
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Андрей Павлов. Акт направленной справедливости. СПб.: Союз писателей
Петербурга, 2023. — 244 с.**

Роман, сочетающий исторические, документальные, художественные и детективные элементы. В центре исторической интриги — продажа Аляски, Русской Америки Соединенным Штатам. Считается, что русские появились на Аляске в XVII веке, не зная, что это другой континент. В 1799 году там был основан Новоархангельск, в 1808 году это поселение официально стало столицей Русской Америки. После продажи русских владений США переименовано в Ситку. Впервые вопрос о продаже Аляски был поставлен перед Николаем I его чиновниками. Ответ императора, руководствовавшегося принципом, «где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен», был краток: «Пока я есть — быть Русской Америке». В 1857 году группа приближенных к особе нового императора Александра II снова подняла этот вопрос, но под влиянием князя Горчакова император решение отложил. Вновь вопрос встал в 1866 году, и через год, в 1867 году, Аляска была продана Америке за 7,2 миллиона долларов. Андрей Павлов рассказывает о предваряющих сделку совещаниях, приводит выписки из архивных документов: адресованные императору записки от разных лиц, резолюции, выдержки из статей. Подробно, в деталях излагает позиции главных высокопоставленных инициаторов и участников этой сделки и их «оппозиционеров»: их мотивы, аргументы, доводы, представленные царю, скрытые корыстные интересы. Параллельно с событиями при российском императорском дворе действие развивается и в правительственных кругах США. Там тоже есть и сторонники, и противники сделки. Сомневается в ее целесообразности Джеймс Бьюкенен, пятнадцатый президент США, почти два го-

да бывший послом Америки в России (1830-е): «Я знаю русских. Они никогда и ни за что не отдадут своих земель! Разве что под страхом смерти... Да и то потом отобьют!» В детективном сюжете главная роль отведена Игнатию Тимофеевичу Пятровскому, отставному титулярному советнику, бывшему следователю Санкт-Петербургского окружного суда, вынужденному считать каждую копейку из своей скромной пенсии. Его звездный час остался в 1881 году, когда он, следователь по особо важным делам, принимал участие в поиске злодеев, убийц императора-освободителя Александра II. Собирая информацию об аренде и покупке с 1 декабря 1880-го по март 1881 года подвальных помещений по маршруту следования усопшего государя, он заинтересовался комнатой в полуподвальном помещении в доме Ратькова-Рожнова на Большой Итальянской улице, где проживала странная пара. «Что об них сказать, ваше высочордие? Мужик лет тридцати пяти — сорока, высокий, статный. Вроде бы и простолюдина, как мы... Как я, прошу покорнейше извинения... Ну чувствуется, что кровей, моёт быть, и далёких, но благородных! — задумчиво проговорил дворник, приподняв голову и почесав бороду. — А вот жена его, или кто она ему там на самом деле — совсем не русская, это ей-богу! — И дворник перекрестился. — Маленькая, коряжистая какая-то, лицо плоское, глаза то ли с прищуром, то ли узкие, как у китайца того, нос широкий...» Вскоре выясняется, что Микита Никанорович Вайхомов, прибывший в Санкт-Петербург с далекой Аляски, был пытан и убит, на его одежде осталась золотая пыльца, в кармане клочок бумаги с обрывками текста. Узнав в ходе расследования от супруги Вайхомова, что миссия ее мужа заключалась в том, чтобы предоставить Александру II веские доводы для возвращения Аляски в состав Российской империи, Пятровский обращается к материалам о продаже Аляски. Он возмущен, что принадлежавшая России территория в 1,5 миллиона квадратных километров продана за бесценок, и хочет разобраться, почему и по чьей вине. Он свяжет в единое целое приезд и смерть жителя Аляски с гибелью императора, в которой, как он считает, заинтересованы те, кто убедил царя продать Аляску. Он подаст на имя императора Александра III записку, в которой назовет виновных в сделке, нанесшей непоправимый урон не только экономике, но и престижу Российской империи, и имя ее главного координатора и главного организатора. Карьера Пятровского рухнула в одночасье: из статского советника он был разжалован в советника титулярного. Спустя десять лет, в 1891 году, когда, собственно, и появляется на сцене Игнатий Тимофеевич, он был реабилитирован, звание статского советника возвращено, его предположениям дан ход. А заодно он совершит поступок, который изменит ход истории. Появится и еще одна линия: история семьи Вайхомовых, ведущих родословную с 1649 года, и колоритная обыденная жизнь русских насельников Аляски. А опоясывают все это действие пролог и эпилог, где ключом бьет жизнь современная, ведут непрерывную работу российские дипломаты и американские чиновники, засыпает в ответственные моменты президент США Джим Видон, его дела ведет помощница Сьюзи Баркли, а за всем этим наблюдают премьер-министр Канады Пьер До и премьер-министр Великобритании Сиши Рунак. Губернатором Аляски становится независимый кандидат Стивен Вэйхом, неожиданно получивший значительные средства на проведение избирательной кампании (читателю известно откуда и как), а русские перебежчики Петр Григорьев и Башир Татаринов после тщательной проверки поступают к Вэйхому на службу. После референдума обнищавшая Аляска переходит под юрисдикцию России. Хеппи-энд: Президент России и губернатор Аляски, чья фамилия в переводе на русский значит «дорога домой», беседуют накануне аннулирования договора Российской империи с Соединенными Штатами. «Вэйхом спросил: — А что дальше, мистер Президент? Тот улыбнулся. — С Аляской все понятно: она с Россией. А вот как будет „Дорога до-

мой“ на финском, польском или любом из прибалтийских языков, мистер Вэйхом? Вы не знаете?» События следуют одно за другим с калейдоскопической быстротой как во времени, так и в пространстве; красочный и достоверный антураж — Петербург XIX века, экзотическая русская Аляска; сложная композиция, когда сюжетные линии складываются в причудливый, но гармоничный узор. Капелька дегтя: прямая речь Арины Вайхомовой. Вряд ли женщина из племени колюж могла говорить исключительно книжным языком: «благодаря тому», «в отличие», «информацию довели еще с утра». Речь других героев вполне органична.

Марина Серeda. Горячие камни Перуджи. СПб.: Реноме, 2022. — 204 с.: ил.

Центральная Италия конца XIV — начала XV века глазами юного подмастерья у знаменитого живописца Пьетро Перуджино, будущего гения Ренессанса Рафаэля Санти (1483—1520). Рафаэль Санти рано осиротел. Мать умерла, когда ребенку было 8 лет, и отец привел в дом новую жену. В возрасте 12 лет мальчик потерял и отца. Отец, Джованни Санти, художник и поэт при дворе Гвидобальдо да Монтефельтро, успел дать сыну только первые уроки живописи. Жизнь под одной крышей с мачехой после смерти отца превратилась в ад. И попечители отправили юное дарование на обучение к другу отца — к Пьетро Перуджино. После Урбино, «самого нарядного города мира», герцогского дворца с атмосферой вечного праздника, где маленький Рафаэль был желанным гостем, серая и холодная каменная Перуджа ребенку не понравилась. Символом Перуджи было непонятное существо — полуорел-полулев с хищной мордой и цепкими орлиными лапами, грифон. «Грифонами пугали и детей, и взрослых. Страшные создания возвышались над воротами дворцов, наблюдали с крыш, таились в фонтанах. А некоторые, самые опасные, держали в когтях жертву. Иногда это был бычок, как над входом во Дворец приоров. Но Рафаэль мог поклясться, что однажды даже видел грифона с зажатым в когтищах человеком». Марина Серeda уже более тридцати лет живет в самом сердце Италии и работает гидом по Умбрии. Она ведет читателя по улицам умбрийских городов, лаконично и красочно рассказывая об их обычаях и достопримечательностях. Урбино, дворец Монтефельтро, Перуджа, монастырь святой Петрониллы, где изготавливали «перуджинскую водичку», из-за которой прямоком на небеса отправились четыре папы. И маленький городок Паникале на Тразименском озере, где Перуджино и его ученик работали над фреской святого Себастьяна для монастырского лазарета; замок Маджоне, где знать Сиены, Перуджи, Умбрино, Болоньи во главе с кардиналом Орсини готовила заговор против Чезаре Борджиа, — план провалился, участь заговорщиков была ужасна. А в «красном» городе из рыжего кирпича, в родном город Перуджино — Читта дела Пьеве, в церкви Святой Марии, где смердит от собранных там умирающих от неизвестных болезней людей, лучший художник Перуджи и его любимый ученик Рафаэль Санти будут создавать Любовь и Надежду, фреску «Поклонение волхвов». На небольшом пространстве М. Серeda сумела вместить рассказ и о дивных городах, замках, монастырях; об обычаях и нравах давних лет; о закулисье художественной мастерской маэстро Перуджино и о работах его конкурента Бернардино ди Бетто ди Бьяджо, известного под прозвищем Пинтурикио, и подающего надежды, набирающего силу Рафаэля. Самая ранняя работа Рафаэля Санти — фреска «Мадонна с Младенцем» — до сих пор находится в Доме-музее Рафаэля в Урбино. М. Серeda рассказывает о том, как готовили картоны для будущей живописной работы, доски к росписи, щетинные кисти, как растирали ламповую сажу, как и из чего делали краски, — фактически обо всем, чем занимался маленький Рафаэль в мастерской Перуджино. Это совсем не статичное повествова-

ние. Выполняя поручения домочадцев Перуджино, Рафаэль передвигается по городу и окрестностям, знакомится с другими городками. Вместе с ним мы познаем их уникальность, особенность, легенды, с ними связанные. Рафаэль встречается с массой людей, некоторые из них станут прообразами персонажей его картин и фресок. Удивительны судьбы реальных людей из окружения художника: друг Берто, первая возлюбленная Франческа, дочь главы клана Бальони, вынужденная принять постриг, чтобы избежать гибели; «блаженная голубка» — монахиня Беата Коломба; властная Атланта Бальони, потерявшая сына и брата, пошедших друг против друга. Свидетелем кровавых событий в семье Бальони, потрясших Перуджу в период его ученичества, стал и Рафаэль. В конце 1504 года Рафаэль переехал во Флоренцию. Авторские иллюстрации, планы и QR-коды, сопровождающие текст, дают возможность увидеть места, о которых идет речь. Совершить путешествие в Умбрию М. Середя предлагает и в книге «За Лукрецией Борджиа в Умбрию» (СПб.: Реноме, 2021). «Проводником» в ней выступает юная Лукреция Борджиа, дочь папы римского Александра VI, в 1499 году назначенная им губернатором городов Сполето и Фолиньо. Места, которые она посещает, персонажи, встречающиеся ей по пути, прекрасные дворцы и храмы — все это нашло отображение в исторических документах и легендах, по сей день передающихся из уст в уста местными жителями. Она посещает города и замки, крепости и храмы. Ее задача — разобраться, кто является союзником папы, а кто затаившимся врагом. Она «тестирует» графов и маркизов, вороватую знать, более похожую на бандитов. На ее пути встречаются святые, ведьмы, нимфы, привидения... Стирается грань между действительностью и воображением, два мира — волшебный и настоящий — смешиваются воедино в ее сознании. В то же время это вполне современный путеводитель, ибо в нем даны подробные справки о сохранившихся достопримечательностях и параллельно — о местной кухне, о винах, популярных в этих местах, принесших им славу. Поразительный факт приводит М. Середя, рассказывая о судьбе когда-то гордого рода Тринчи, на который было наложено *Damnatio memoriae*. В переводе с латинского это означает «проклятие памяти». *Damnatio memoriae* — это одна из форм наказания, при котором уничтожались все материальные свидетельства существования провинившегося (статуи, настенные росписи, монеты, письменные свидетельства), а также могли исчезнуть все члены семьи, даже самые дальние, носящие имя преступника. Это наказание практиковалось в Древнем Египте, затем в Древнем Риме, реже в средневековье и в последующие эпохи. Кажется, его пытаются использовать и сегодня.

Александр Пыжиков: Неожиданный Владимир Стасов. Владимир Стасов: Происхождение русских былин. М.: Концептуал, 2022. — 416 с.

«Происхождение русских былин» — основательно забытая работа Владимира Стасова (1824—1906), известного в первую очередь как музыкальный и художественный критик, участник сообщества композиторов «Могучая кучка», близкий к художникам-передвижникам. Работая в Публичной библиотеке (1856—1872), он изучал древние рукописи, археологические артефакты, этнографический материал. Сравнивая тексты восточных легенд, мифов и сказаний, был поражен их схожестью с нашими былинами. Результаты своих исследований опубликовал в «Вестнике Европы» (1868). Его работа стала одной из наиболее дискуссионных работ XIX века по истории русского эпоса. В то время как славянофилы искали истоки русского и основные его черты в Киеве, наследовавшем «святой» Византии, а западники обращались к Европе, Стасов предложил нечто кардинально отличное. Александр Пыжиков в обширной вступительной статье подробно пишет об интеллектуальном пространстве, на котором по-

явилась «крамольная» работа Стасова, о становлении его взглядов и научных изысканиях, о бурной полемике вокруг его работ, о его единомышленниках и противниках, которые подчас принимали точку зрения Стасова. В «Происхождении русских былин» разобраны две русские сказки и десяток наиболее известных песен, так или иначе связанных с исторической канвой. Это былины, появившиеся до XVI столетия: о Добрыне, о Василии Казимировиче, о Потоке Михайле Ивановиче, об Иване Гостином сыне, о Ставре-боярине, о Соловье Будимировиче, об Илье Муромце, о Садко, о Дунае, о Ваньке Вдовине сыне. Тщательное сравнение русских былин с азиатским эпосом позволило Стасову обнаружить их схожесть с восточными мифами, гимнами, песнями. Он сделал вывод, что остов русских былин связан не с приднепровской культурой, а восходит к более глубоким цивилизационным пластам, общим для неевропейских народов, традиционно именуемых азиатскими. «Мы, народ арийского происхождения, имеем в наших былинах материал первоначальный арийский же, но полученный нами не прямо из его родоначального источника, и в древнейшую эпоху истории, а посредством племен неарийских и в форме развития неарийского, от тюрков и монголов, во время довольно позднее. К этому чуждому наследству мы прибавили очень мало своего: едва лишь несколько довольно внешних подробностей быта и народного вкуса и национальный колорит языка». Стасов отрицает историзм былин. Хотя события происходят в конкретной местности: в Киеве, в Чернигове, на Днепре или Черном море — местных привязок и местных географических подробностей нет. В былинах нет географических черт отечественной земли, отсутствуют зима, снег, мороз, лед на реках, снежные или покрытые полями равнины, мхи и болота. Не упоминаются избы и характерная русская утварь, нет обрядных хороводов и песен. Вместо этого: чуждые Русской земле подробности. Русские богатыри под стенами Киева охотятся на соболя, но в Приднепровье эти зверьки не водились и не водятся. Какие горы, обозначенные в былинах, есть около Рязани и Киева? «Ясно, что они имеют лишь значение чего-то переданного к нам, в былины, из чужих оригиналов». О том, что коренной остов русских былин связан совсем с другой культурой, свидетельствуют нюансы поведения богатырей, их вооружение и манера сражаться. Точь-в-точь как в тюркских песнях и легендах первое место после самого богатыря занимает конь. Описание былинных одеяний: кафтан, епанча, сарафан, кушак, сафьян — зримо напоминает восточнотюркские одежды. Азиатскими оказались и многие крылатые выражения, которые благодаря былинам прочно вошли в народную речь: «Конь бежит, земля дрожит», «Бабий волос длинен, а ум короток». В былинном князе Владимире Красное Солнышко трудно отыскать действительного князя Владимира, крестившего Русь и упоминаемого византийскими источниками и русскими летописями. Главные качества былинного Владимира — непомерная трусость и неумение действовать. Исторические документы рисуют Владимира совсем другим: энергичным, жестким, волевым. Также напрасно искать самостоятельную характеристику русских богатырей. Наши былины о Садко и Соловье Будимировиче не позволяют судить о русском торговом сословии, о купцах в древнейшую нашу эпоху. В былинах нет описаний татарских нашествий на Древнюю Русь и изображений татарской эпохи на Руси. Нет ничего из того, что происходило в XIII и XIV веках на полях, а только воспроизведение эпических мотивов, рассеянных по древним памятникам восточной поэзии. Рассказ о Батые или Калине-царе наших былин появился гораздо раньше пришествия монголов в Россию. Русские былины В. Стасов рассматривает в контексте восточных эпосов, поэм, песен: Магабгарата, Магаванси, Гариванса, «Шах-Намэ», Джангариада, «Гессер-Хан», сказок Сомадевы, песен минусинских татар, телеутов, сагайцев, киргизов, калмыков, сибирских татар и других азиатских племен. Былины наши, считает Стасов, представляют больше сход-

ства с менее древними восточными рассказами, с теми, что есть у народов по своему географическому положению близких к России. Русские былины больше сходятся с рассказами сибирско-татарскими, киргизскими, монгольскими и калмыцкими, чем с индийскими и персидскими. Наши былины много утратили в сравнении со своими первообразами. Их герои бедны психологически, отсутствует описание природы, народ в них роли не играет. Происхождение и все заимствования наших былин, утверждает Стасов, не говорят против талантливости и художественности русского народа. «Своеобразные особенности языка былин, хотя и приложенные к материалу чужеземному, заключают в себе столько особенности, что, в соединении с оригинальным стихосложением былин и всегдашнею четкостью, силою, образностью и юмором русского выражения, придают былинам совершенно исключительную, самобытную физиономию». А одним из самых убедительных доказательств разницы между поэтическими произведениями собственно русскими и заимствованными, но покрытыми легким слоем внешнего национального колорита, может и должно служить сравнение «Слова о полку Игореве» с нашими былинами.

Людмила Морозова. Иван Грозный глазами современников.

М.: Кучково поле, 2022. — 384 с.: ил.

Иван Грозный от века XVI по сей день вызывал и вызывает диаметрально противоположные оценки. Сопоставляя русские летописи, Разрядные и Посольские книги с записками иностранцев, Людмила Морозова выясняет, кто, когда и зачем создал резко отрицательный образ русского государя — кровавого самодура и мнительного маньяка — и почему он стал общепринятым на века. Нити ведут к запискам иностранцев, в достоверности которых Л. Морозова усомнилась. Детально анализируя записки иностранцев, она устанавливает точные имена и занятия их авторов, цели визита в Русское государство, степень информированности, внутрироссийские и международные обстоятельства во время поездки и «отчета» о ней, выявляет расхождения и противоречия в источниках. И сразу же обнаруживается интересная закономерность. Английские купцы и мореплаватели, осваивавшие в середине XVI века Северный морской путь в Русское государство, и часто приезжавшие в Москву итальянские купцы и дипломаты о Иване IV отзывались исключительно положительно: величественный и очень богатый повелитель огромной страны, любимый и уважаемый подданными. Никто не сообщал об особой жестокости царя, о публичных зверствах и казнях. Хотя знатный и богатый итальянский купец Р. Берберини наведалься в Московию уже после введения опричнины. Эти англичане и итальянцы в силу своей деятельности были заинтересованы в правдивой информации. Венецианский дипломат М. Фоскарино писал для римского папы и его окружения, искавших союзников в борьбе с турецкой напастью. И это как раз те свидетельства современников, которые историческая наука отодвигала на второй план. Негативная информация в записках иностранцев появилась с начала Ливонской войны и взятия Иваном IV Полоцка (1563), совпавшими с введением опричнины. Резко обострились отношения Грозного с польским королем Сигизмундом II. Первым с резкими обвинениями выступил бежавший ко двору польского короля князь Андрей Курбский. Л. Морозова показывает, что А. Курбский в царском войске всегда был на вторых ролях, его бегство не стало существенной потерей ни для царя, ни для войска, а в его послании отсутствует реальная конкретика. Широкомасштабной «кампанией» по созданию негативного образа Ивана IV в глазах европейской общественности не получилось. Сочинение Курбского распространялось только в русскоязычной среде, попытка Сигизмунда II переманить более значительных лю-

дей из царского окружения провалилась (Морозова приводит ответные послания русских бояр на приглашения к польскому двору.) Польский король для компрометации русского государя решил использовать своих соотечественников, бежавших в разгар Ливонской войны из Русского государства к его двору. По заказу польского короля лифляндские авантюристы И. Таубе и Э. Крузе и любитель сомнительных приключений померанец А. Шлихтинг, перемешивая выдумки с реальными событиями, создали хоррор, после которого европейцы стали считать Ивана IV кровавым тираном и дикарем. Заодно были сорваны переговоры Ватикана и царя Ивана IV об антитурецкой коалиции. Немец-опричник Штаден царя не порочил, а, путая имена и должности, обличал злоупотребления высшей знати и дьяков, адресовался к австрийскому императору Рудольфу, искавшему союзников для борьбы с турками среди христианских государств. Одним из возможных союзников считал русского царя, разгромившего зависевшие от Турции Казанское и Астраханское ханства. Характер записок всегда был тесно связан с текущей международной ситуацией, и Л. Морозова предоставляет широкую панораму исторических событий того времени и их участников. Созданные по заказу Сигизмунда сочинения антимосковской направленности получили распространение, их в дальнейшем использовали в своих писаниях как современники царя, так и следующие поколения. Представление об Иване Грозном как о жестоком и кровавом тиране стало хрестоматийным и для читающей европейской публики и европейских правителей, и для русских писателей времени после Смуты, а затем и для ученых мужей — историков. В России записки И. Таубе и Э. Крузе обнаружил Карамзин, полагая, что все сведения достоверны, ввел их в научный оборот. Донесения австрийских и папских дипломатов 70-х — начала 80-х годов оказались в стороне: никто из иностранных дипломатов в 70-е годы не писал о массовых казнях в Москве и новгородском погроме 1570 года, никто не упоминал об ужасах опричнины. Это, считает автор исследования, наталкивает на предположение, что сочинения о кровавых расправах опричников и особой жестокости царя, созданные по заказу Сигизмунда, — изощренные выдумки, не имевшие отношения к реальной жизни России тех лет. Л. Морозова проделала огромную работу по установлению реалистичной картины прошлого: даты, факты, биографии лиц, якобы казненных царем в период опричнины, реалии и наговоры. Разноречивы версии о смерти царевича Ивана Ивановича — маловероятно, что к ней имел причастие его отец. Возможно ли, что в течение года царь, выбирая себе третью жену, проводил смотрины 2000 красавиц в Александровой слободе: вместе с сопровождающими лицами они просто не могли в слободе разместиться. Злостный, идущий из Польши слух о том, что при взятии Полоцка царь приказал утопить всех монахов-францисканцев и торговцев-евреев, опроверг посол Венеции в Русском царстве Ф. Тьеполо, находившийся при дворе Ивана Грозного около 1560 года. По его утверждению, монахов никто не трогал, а двух-трех евреев утопили за кощунство: они хотели продать забальзамированный труп неизвестного бродяги, выдавая его за мумию или святые мощи. Со временем выдуманная несколькими авантюристами негативная информация о русском государе превратилась в широко распространенный в Европе (да и в России) стереотип. Образ кровавого царя стал хрестоматийным и в исторической науке, и в художественной литературе, и в кинематографе. Источники, где царь характеризуется положительно, где указывается на неправомерность критики в его адрес, игнорировались. По мнению историков, отрицательно настроенные авторы более объективны. В приложении помещены материалы антропологической экспертизы останков Ивана Грозного и двух его сыновей, Ивана и Федора. Экспертиза 1963 года выявила, что государь был крепким, хорошо физически развитым мужчиной, высокого роста и красивой наружности, без признаков физической или моральной деградации.

Единственным заболеванием, причинявшим ему сильную боль, было отложение солей. Живописные и кинематографические версии, портреты не соответствуют действительности. В настоящей работе предпринята попытка восстановить справедливость. Л. Морозову критикуют, пробуют опровергнуть ее выводы, причисляют к представителям фолк-истории.

Павел Волков. В тени умелой обезьяны (приключения, великие открытия и заблуждения каменного века). СПб.: Евразия, 2023. — 256 с.: ил.

С конца XIX века ученые-антропологи и любители-фанатики, уверовав в теорию происхождения человека от обезьяны, искали связующее звено между человеком и обезьянами. Искали в Азии, в Африке, в Европе. И находили, ибо, как пишет археолог Павел Волков: «Не можете найти „недостающее звено“ — плохо искали». Залог успеха в том, чтобы точно знать, что именно следует найти, и привлечь солидных спонсоров. Наличие «звена» было предсказано немецким естествоиспытателем и поклонником теории эволюции Э. Геккелем. Он же описал еще не найденное существо, назвав его «питекантроп» (от латинского «обезьяночеловек»). По заказу этого «изобретателя питекантропа» художник Г. Макс изобразил это существо с супругой на полотне. «На слабонервные натуры портрет произвел сильное впечатление. Виртуальный питекантроп, судя по выражению лица, интеллектом явно не блистал, к супруге относился „с пониманием“, штанов не носил, и тем не менее найти его было необходимо. Европейцам, кстати, портрет семьи питекантропов очень понравился». П. Волков рассказывает о том, как шли поиски предков современного человека, об удивительных научных открытиях и ловких подделках, о неожиданных находках и таинственных обстоятельствах их утраты, о становлении науки палеоантропологии и внедрении в нее фантазийных идей Геккеля, подкрепленных порой фальсифицированными «материальными» доказательствами. По принципу: сначала идея, а подтверждение найдется. «Как выяснилось, ради большого дела в науке можно, а иногда даже нужно... поступиться некоторыми принципами». П. Волков пишет легко, увлекательно с большой долей юмора и иронии. «Точно знал», что и где искать, голландский врач-антрополог Э. Дюбуа, обнаруживший в 1891 году останки ископаемого питекантропа на острове Ява. После его доклада на Третьем международном зоологическом конгрессе «мнения коллег разделились по национальному признаку: немцы увидели в питекантропе обезьяну с человеческими чертами, англичане — человека с архаичными признаками. Поддержали Дюбуа только американцы, поставив питекантропа точно посередине цепи эволюции от обезьяны к человеку». Но через несколько месяцев «знаменитый Р. Вирхов — гений палеонтологии и величайший авторитет науки того времени — деликатно, но отчетливо выразил мнение: череп от скелета крупного гиббона, бедро — от современного человека». Одной из самых известных мистификаций XX века стала «находка» костных фрагментов в Англии в гравийном карьере Пилтдауна (1912), представленных как окаменелые останки ранее неизвестного древнего человека. В течение сорока лет образец оставался объектом споров, пока в 1953 году искусную подделку все же не разоблачили и не установили, что это череп полностью развитого современного человека, намеренно соединенный с немного подпиленной нижней челюстью орангутанга и обработанный бихроматом калия для имитации древней окраски. Версий об авторстве мистификации много, и как часто бывает в романах Агаты Кристи, согласно законам детективного жанра — подозреваются все. Среди десятка именитых подозреваемых значится и Артур Конан Дойл. Не заслужил звание «недостающего звена» и синантроп, найденный во время раскопок под Пекином в пещере

Чжоукоудянь в 1923—1927 годах. Так как новоиспеченных синантропов научное общество восприняло со скептицизмом, стали появляться все новые и новые находки по принципу: что вам еще угодно. Поползли слухи, что «синантроп» — это обезьяна, которую съели люди, чьи скелеты были найдены в той же пещере, — китайским газетам публиковать это запретили. Завершилось все пропажей всех находок из пещеры, всех образцов раскопанного грунта, чертежей, фотопленок, полевых дневников. Великая Охота за Черепами — поиск обезьяньих корней человечества — продолжилась в Африке, где были обнаружены останки высших приматов с признаками прямохождения и антропоидными чертами в строении черепа, называли их австралопитеками. История открытий и заблуждений — это в первую очередь люди. И автор создает галерею портретов ученых — археологов, палеонтологов, антропологов: их достижения, прозрения, новые методики. Быть может, самой драматичной в этой истории открытий стала судьба М. Санс де Саутуола, археолога-любителя, обнаружившего в находившейся на его земле пещере Альтамира фантастические рисунки первобытного человека — «Сикстинскую капеллу каменного века». Он, осмеянный на всемирном конгрессе антропологов в Лиссабоне (1880), умер с клеймом лжеца. П. Волков считает, что классическая палеоантропология явно не справляется с поиском ответов на вопрос: кто мы? «Вероятно, при формировании человека приняли участие какие-то другие силы, действовавшие по другим законам». А на оставшиеся вопросы о нашем происхождении ответ может дать археология палеолита, материалом для которой являются преимущественно уже не редкие окаменевшие кости, а материальные предметы — артефакты. Экспериментальная археология палеолита помогает узнать, обработаны извлеченные из глубин земли необычные камни человеком или это причуда природы; если это древние инструменты, то как ими работали, как их изготавливали. Правда ли, что для «производства» каменных орудий потребуется «работа ряда поколений»? Можно обтесать ими дротики или копья? За какое время каменным топором можно свалить дерево? Оказывается, с помощью древних инструментов изготовить лодку удалось всего за несколько дней. Экспериментальная археология доказала, что люди эпохи палеолита совсем не похожи на «волосатых дикарей», что так долго изображались в школьных учебниках. У них были достаточно комфортные жилища, они изготавливали искусные орудия, имели хорошие интеллектуальные способности, не питались дрянью — а «людоедство отмечено только в воображении продюсеров из урочища Hollywood и в несвежих головах довольно редких археологов-энтузиастов». И смешно думать, что много лет назад, «испугавшись грома и молнии», волосатые дикари вдруг стали поклоняться идолам. Многие наши современники даже не могут предположить, что первые люди на земле могли знать Бога лучше, чем некоторые из их потомков. Человек, по данным археологии, констатирует автор, пришел исторически «неожиданно», без каких-либо «природных» предпосылок, без доступной нашему пониманию «биологической необходимости», вопреки всякой привычной постепенности или даже формальной логике. Такой вот парадокс. Единственное, что выделяет нас из всего многообразия мира животных, — это следы проявления нашей религиозности.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
 Книжную Лавку Писателей
 (Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)